

Blok, Aleksandr
Aleksandrovich
Za gran'iu proshlykh
dnei

АЛЕКСАНДР БЛОК

ЗА ГРАНЬЮ РОШЛЫХ ДНЕЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗД-ВО
З·И·ГРЖЕБИНА
ПЕТЕРБУРГ

АЛЕКСАНДР БЛОК

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Издательство З. И. Гржебина
ПЕТЕРБУРГ
1920

Стихи, напечатанные в этой книжке, относятся к 1898—1903 годам. Многие из них переделаны впоследствии, так что их нельзя отнести ни к этому раннему, ни к более позднему времени. Потому они не входят в первый том моих «Стихотворений».

Заглавие книжки заимствовано из стихов Фета, которые некогда были для меня путеводной звездой. Вот они:

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемых то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

А. Б.

Май 1919.

Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне,
Где-то месяц светит? Где-то светит солнце?
Вон вдали блеснула ясная зарница,
Вспыхнула—погасла, не видать во мраке,
Только сердце чует дальний отголосок
Грянувшего грома, лишь в глазах мелькает
Дальний свет угасший, вспыхнувший мгно-
венно,
Как в ночном тумане вспыхивают звезды...
И опять—во мраке, в ледяной пустыне...
Где-то светит месяц? Где-то солнце светит?
Только месяц выйдет—выйдет, не обманет,
Только солнце встанет—сердце солнце встре-
тит!..

———

В ночи, когда уснет тревога,
И город скроется во мгле—
О, сколько музыки у Бога,
Какие звуки на земле!

Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят!
Что человеческие слезы,
Когда румянится закат!

Прими, Владычица вселенной,
Сквозь кровь, сквозь муки, сквозь гроба—
Последней страсти кубок пенный
От недостойного раба!

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР.

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой об'ята
Трава некошенной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

НА ВЕЧЕРЕ В ЧЕСТЬ Л. ТОЛСТОГО.

В толпе, родной по вдохновенью,
В тумане, наполнявшем зал,
Средь блеска славы, средь волненья
Я роковой минуты ждал...

Но прежним холодом могилы
Дышали мне Твои уста,
Как прежде, гибли жизни силы,
Любовь, надежда и мечта.

И мне хотелось блеском славы
Зажечь любовь в Тебе на миг,
Как этот старец величавый
Себя кумиром здесь воздвиг!..

Над старым мраком мировым,
Исполненным враждой и страстью,
Навстречу кликам боевым
Зареет небо новой властью.

И скоро сумрак туч прорвут
Лучи—зубцы ее короны,
И люди с битвы потекут
К ее сверкающему трону.

Ослепнем в царственных лучах
Мы, знавшие лишь ночь да бури,
И самый мир сотрется в прах
Под тихим ужасом лазури...

Помедли, ночь! Небесный луч!
Не озаряй тюрьмы лазурной!
Пускай мерцают нам сквозь туч
Лишь звезды—очи ночи бурной!

ОДИНОЧЕСТВО.

Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.
Из отпылавшего камина
Неясный мрак вечерний плыл.
И он сидел перед камином,
Он отгорел и отстрадал
И взглядом, некогда орлиным,
Остывший пепел наблюдал.
В вечернем сумраке всплывали
Пред ним виденья прошлых дней,
Будя старинные печали
Игрой бесплотною теней.
Один, один, забытый миром,
Безвластный, но еще живой,

Из сумрака былым кумирам
Кивал усталой головой...
Друзей бывалых вереница,
Врагов жестокие черты,
Любивших и любимых лица
Плывут из серой темноты...
Все бросили, забыли всюду,
Не надо мучиться и ждать,
Осталось только пепла груду
Потухшим взглядом наблюдать...
Куда неслись его мечтанья?
Пред чем склонялся бедный ум?
Он вспоминал свои метанья,
Будил тревоги прежних дум...
И было сладко быть усталым,
Отрадно так, как никогда,
Что сердце больше не желало
Ни потрясений, ни труда,
Ни лести, ни любви, ни славы,
Ни просветлений, ни утрат...
Воспоминанья величаво,

Как тучи, обняли закат,
Нагромоздили груду башен,
Воздвигли стены, города,
Где небосклон был желт и страшен,
И грозен в юные года...
Из отпылавшего камина
Неясный сумрак плыл и плыл,
Река несла по ветру льдины,
Была весна, и ветер выл.

Ночной туман застал меня в дороге.
Сквозь чащу леса глянул лунный лик.
Усталый конь копытом бил в тревоге—
Спокойный днем, он к ночи не привык.
Угрюмый, неподвижный, полусонный
Знакомый лес был страшен для меня,
И я в просвет, луной осеребренный,
Направил шаг храпящего коня.
Туман болотный стелется равниной,
Но церковь серебрится на холме.
Там—за холмом, за рощей, за долиной—
Мой дом родной скрывается во тьме.
Усталый конь быстрее скачет к цели.
В чужом селе мерцают огоньки.
По сторонам дороги заалели
Костры пастушьи, точно маяки.

Там, за далью бесконечной
Дышит счастье прошлых дней...
Отголосок ли сердечный?
Сочетанье ли теней?

Это—звезды светят вечно
Над землею без теней.
В их сияньи бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

Когда же смерть? Я все перестрадал,
Передо мною—мир надзвездный.
Отсюда—юноше, мне Сириус сверкал,
Дрожал и искрился над бездной.

Прими, стоцветная звезда!
Прими меня в свой мир высокий,
Чтоб я дрожал и искрился всегда
Твоею мощью одинокой!

Дай мне твой свет—пустыню озарить,
Спасти от боли, от юдоли!
Дай сладкий яд мне—стражу отравить!
Дай острый луч мне—двери отворить!

ГОЛОС.

Чей-то обманчивый голос поет,
Кто пробудился от сна и зовет?

Где-то в далеких знакомых краях
Гаснут и тают лучи в облаках.

Ночь наступает, но кто-то спешит,
К ночи в об'ятья зовет и манит...

Кто же ты, ночью поешь и не спишь?
Чей же ты, голос, обман мне сулишь?

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра — нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.

Я не таков: пусть буду снами
Заворожен —
В мятежный час взмахну крылами
И сброшу сон.

Опять — тревога, опять — стремленье,
Опять готов
Всей битвы жизни я слушать пенье —
До новых снов!

В те дни, когда душа трепещет
Избытком жизненных тревог,
В каких-то дальних сферах блещет
Мне твой, далекая, чертог.

И я стремлюсь душой тревожной
От бури жизни отдохнуть,
Но это счастье невозможно,
К твоим чертогам труден путь.

Оттуда светит луч холодный,
Сияет купол золотой,
Доступный лишь душе свободной,
Не омраченной суетой.

Ты только ослепишь сверканьем
Отвыкший от видений взгляд,
И уязвленная страданьем
Душа воротится назад

И будет жить, и будет видеть
Тебя, сквозящую вдали,
Чтоб только злее ненавидеть
Пути постылые земли.

О, не тебя люблю глубоко,
Не о тебе—моя тоска!
Мне мнится—вечер недалеко,
Мне кажется, что ночь близка...

Укроет мрачной пеленою
Все то, что я боготворил...
О, день, исполненный тобою!
Нет, нет! Я не тебя любил!

Ночь теплая одела острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль светла. Душа моя жива.
И вечная холодная Нева
У ног сурово колыхнулась.

Ты, счастие! Ты, радость прежних лет!
Весна моей мечты далекой!
За годом год... Все резче темный след,
И там, где мне сиял когда-то свет,
Все гуще мрак... Во мраке—одиноко—

Иду—иду—душа опять жива,
Опять весна одела острова.

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны.

Впряясь в сумрак ночи хладной,
В нем прозревать огонь и свет, —
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, Божьей милостью поэт!

Напрасно, дева, ты бежала,
Моей пытливости страшась.
Моя мечта дорисовала
Тебя, волнуясь и смеясь.

И я узнал твои приметы
По искрам тайного огня
В твоих глазах, где бродят светы
Жестокого и злого дня.

Ты ныне блещешь красотою,
Ты древним молишься богам,
Но беззаконною тропою
Идешь к несчастным берегам.

Хожу по камню старых плит,
Душа опять полна терзаний...
Блаженный дом!—Ты не закрыт
Для горечи воспоминаний!

Здесь—бедной розы лепестки
На камне плакали, алея...
Там—зажигала огоньки
В ночь уходящая аллея...

И ветер налетал, крутя
Пушинки легкие снежинок,
А город грохотал, шутя
Над святостью твоею, инок...

Где святость та? — У звезд спроси,
Светящих, как тогда светили...
А если звезды изменили —
Один сквозь ночь свой крест неси.

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и Тобою
В лучах весны.

О, еслиб мне владеть их голосами,
Они-б могли
И наяву восстать перед сынами
Моей земли!

Но звук один — они свое значенье
Утратят вмиг.
И зазвучит в земном воображеньи
Земной язык.

Есть много песен в светлых тайниках
Ее души невинной и приветной.
И грусти признак есть в его чертах,
Старинной грусти и заветной.

Им Бог один — прозрачная печаль.
Единый Бог — залог слиянья.
И, может быть, вдвоем — еще туманней даль
И обаятельней незнанье.

Бежим, бежим, дитя свободы,
К родной стране!
Я верен голосу природы,
Будь верен мне!
Здесь недоступны неба своды
Сквозь дым и прах!
Бежим, бежим, дитя природы,
Простор — в полях!

Бегут... Уж стогны миновали,
Кругом — поля.
По всей необозримой дали
Дрожит земля.
Бегут навстречу солнца, мая,
Свободных дней...
И приняла земля родная
Своих детей...

И приняла, и обласкала,
И обняла,
И в вешних далях им качала
Колокола...
И, поманив их невозможным,
Вновь предала
Дням быстротечным, дням тревожным,
Злым дням — без срока, без числа...

—

Пусть я покину этот град...
Тоска невольная сжимает
Мне сердце. Я б остаться рад.
Что будет *там*, душа не знает...
Там — новый натиск бурь и бед,
Моя тоска — тому залогом.
В глубокой мгле грядущих лет
Каким предамся я дорогам?

Здесь — в свете дня, во тьме ночной
Душа боролась, погибала,
Опять воспрянув, свой покой
Вернуть не в силах, упадала
В тревоги жизни городской
И, дна достигнув, поднимала
Свой нежный цвет над черной мглой —
Так — без конца, так — без начала...

Или бушующая кровь
Рождала новую любовь?

Иль в муке и тревоге тайной
И в сочетаньях строгих числ
Таился тот — необычайный,
Тот радостный, великий смысл?

Да, да! Моей исконной мукой
Клянусь, пожар иной любви
Горел, горит в моей крови!
Моя тоска — тому порукой!

Уже бледнеет день прощальный.
Ты эту ночь мне подари.
Услышишь мой рассказ печальный,
Внимай ему и жди зари.

Заря в твои заглянет очи,
И ты поймешь в ее огне,
Что́ в эти дни, что́ в эти ночи
В твоей душе открылось мне.

В ночь молчаливую чудесен
Мне предстоит твой светлый лик.
Очарованья старых песен
Об'емлют душу в этот миг.

Своей дорогой голубою
Проходишь медленнее ты.
И отдыхают над тобою
Две неподвижные звезды.

Полна усталого томленья,
Душа замолкла, не поет.
Пошли, Господь, успокоенье
И очищенье от забот.

Дыханием живящей бури
Дохни в удушливой глуши,
На вечереющей лазури,
Для вечереющей души.

В часы безмолвия ночного
Тревоги отлетают прочь.
Забудь событья дня пустого
И погрузись в родную ночь.

Молись, чтоб осень озарила,
Как ту весну, твоя звезда.
Тоскуй свободно над могилой
Весны, прошедшей без следа.

Смеялись бедные невежды,
Похитил я, младой певец,
У безнадежности—надежды,
У бесконечности—конец.

Мне самому и дик и странен
Тот свет, который я зажег,
Я сам своей стрелою ранен,
Сам перед новым изнемог.

Идите мимо—погибаю,
Глумитесь над моей тоской.
Мой мир переживет, я знаю,
Меня и страшный смех людской.

К чему бесцельно охранять
Свои былые вдохновенья?
Уже на всем—годов печать,
Седых времен прикосновенье.

Стихай, заветная печаль,
Проснулся день, дохнул страданьем.
Годов седеющая даль
Покрыта мраком и молчаньем.

И дале в сердце уходи
Ты, безнадежное стремленье,
Не отравляй и не буди
Меня, былое вдохновенье!

Напрасно я боролся с Богом.
Он—громоносный чудодей—
Над здешним, над земным чертогом
Воздвиг чертог еще страшней.

И средь кощунственных хулений,
Застигнут ясностью Зари,
Я пал, сраженный, на колени,
Иные славя алтари...

И вопреки хулам и стонам,
Во храме, где свершалось зло,
Над пламенеющим амвоном
Христово сердце расцвело.

Не отравляй души своей
Всегда угрюмым отрицаньем,
Видения былых скорбей
Буди, буди—воспоминаньем!

Придет на смену этих дней
Суровый день и вечер сонный,
И будет легче и светлей,
Воспоминаньем окрыленный.

Когда настанет черный день,
Зови, зови успокоенье,
Буди прошедшей скорби тень,—
Она приносит исцеленье!

ДВЕ ЛЮБВИ.

Любви и светлой, и туманной
Равно изведаны пути.
Они равно душе желанны,
Но как согласье в них найти?

Нес'единимы, несогласны,
Они равны в добре и зле,
Но первый—безмятежно-ясный,
Второй—в смятеньи и во мгле.

Ты огласи их славой равной,
И равной тайной согласи,
И, раб лукавый, своенравный,
Обоим жертвы приноси!

Но трепещи грядущей кары,
Страшись грозящего перста:
Твои блаженства и пожары—
Все—прах, все—тлен, все—суета!

Нет ни слезы, ни дерзновенья.
Все тот же путь—прямей стрелы.
Где ваши гордые стремленья,
Когда-то мощные орлы?

Ужель и сила покидает,
И мудрость гасит светоч свой?
Ужель без песни умирает
Душа, сраженная тоской?

ВАЛКИРИЯ.

(На мотив из Вагнера).

Хижина Гундинга.

Зигмунд (за дверями).

Одинокий, одичалый,
Зверь с косматой головой,
Я стучусь рукой усталой—
Двери хижины открой!
Носят северные волны
От зари и до зари—
Носят вместе наши челны
Я изранен! Отвори!

Зигелинда.

Кто ты, гость, ночной порою
Призывающий в тиши?
Черный Гундинг не со мною...
Голос друга... Клич души!

Зигмунд.

Я в ночном бою с врагами
Меч разбил и бросил щит!
В темном доле, под скалами
Конь измученный лежит.
Я, в ночном бою усталый,
Сбросил щит с могучих плеч!
Черный меч разбил о скалы!
«Вельзе! Вельзе! Где твой меч!»

(Светится меч в стволе дерева).

Зигелинда.

Вместе с кликами твоими
Загораются огни!
Ты, зовущий Вельзе имя,
Милый путник, отдохни!

(Отворяет дверь).

Над синевой просторной дали
Сквозили строгие черты.
Лик безмятежный обрамляли
Речные белые цветы.

Навек безмолвна и спокойна,
Она без мысли шла вперед,
И раболепно, и нестройно
Пред ней волнами шел народ.

Я, увлечен толпой народной
На обожанье красоты,
Смотрел, от века несвободный,
В ее спокойные черты.

Мой путь страстями затемнен,
Но райских снов в полнощном бденьи
Исполнен дух,—и светлый сон
Мне близок каждое мгновенье.

Живите, сны, в душе моей,
В душе безумной и порочной,
Живите, сны, под гнетом дней
И расцветайте в час урочный!

В суровый час, когда вокруг
Другие сны толпою властной
Обстанут вкруг, смыкая круг,
Об'емля душу мглою страстной!

Плывите, райских снов четы,
И силой Бога всемогущей
Развейте адские мечты
Души, к погибели идущей.

Навстречу вешнему расцвету
Зазеленели острова.
Одна лишь песня недопета,
Забылись вечные слова...

Душа в стремленьи запоздала,
В пареньи смутном замерла,
Какой-то тайны не познала,
Каких-то снов не поняла...

И вот—в завистливом смущеньи—
Глядит—растаяли снега,
И рек нестройное теченье
Свои находит берега.

В передзакатные часы
Среди деревьев вековых
Люблю неверные красы
Твоих очей и слов твоих.

Прощай, идет ночная тень,
Ночь коротка, как вешний сон,
Но знаю—завтра новый день,
И новый для тебя закон.

Не бред, не призрак ты лесной,
Но старина не знала фей
С такой неверностью очей,
С душой изменчивой такой!

Когда-то долгие печали
Связали нас.
Тогда мы вместе день встречали
В лазурный час.
И вечер гас. Хладели руки,
Среди огней
Мы шли под меркнущие звуки
Печальных дней.
Теперь—за ту младую муку
Я жизнь отдам...
О, если-б вновь живую руку
Прижать к губам!

Мчит меня мертвая сила,
Мчит по стальному пути.
Небо уныньем затмило,
В сердце—твой голос: Прости.

Да, и в разлуке чиста ты
И непорочно свята.
Вон огневого заката
Ясная гаснет черта.

Нет безнадежного горя!
Сердце—под гнетом труда,
А на небесном просторе—
Ты—золотая звезда.

Грустно и тихо у берега сонного
Лодка плывет—ты дремли.
Я расскажу про мечты, озаренные
Прежнею лаской земли.
Только остались у берега сонного
Утлые в лодке мечты.
В этих мечтах—навсегда отдаленная,
Ты, лучезарная, ты...

———

ПРИ ПОСЫЛКЕ РОЗ.

Смотрел отвека бог лукавый
На эти душные цветы.
Их вековечною отравой
Дыши и упивайся ты.

С их страстной, с их истомной ленью
В младые сумерки твои
И пламенной и льстивой тенью
Войдут мечтания мои.

Неотвратимы и могучи,
И без свиданий, и без встреч,
Они тебя из душной тучи
Живою молньей будут жечь.

Война горит неукротимо,
Но ты задумайся на миг,—
И голубое станет зримо,
И в голубом—Печальный Лик.

Лишь загляни смиренным оком
В непреходящую лазурь,—
Там—в тихом, в голубом, широком—
Лазурный дым—не рокот бурь.

Старик-пастух стада покинет,
Лазурный догоняя дым.
Тяжелый щит боец отринет,
Гонясь без устали за ним.

Вот—равные, идут на воле,
На них—одной мечты наряд,
Ведь там, в широком Божьем поле,
Нет ни щитов, ни битв, ни стад.

Вдали мигнул огонь вечерний—
Там расступились облака.
И вновь, как прежде, между терний
Моя дорога нелегка.

Мы разошлись, вкусивши оба
Предчувствий неги и земли.
А сердце празднует до гроба
Зарю, мигнувшую вдали.

Так мимолетно перед нами
Перепорхнула жизнь—и жаль:
Все мнится—зорь вечерних пламя
В последний раз открыло даль.

В пути—глубокий мрак, и страшны высоты.
Миндаль уже цветет, кузнечик тяжелеет,
И каперса осыпались цветы.
Но здешней суеты душа не сожалеет.

Свершай свои круги, о, чадо смертных чад,
Но вечно жди суда у беспощадной двери.
Придет урочный час— и стражи задрожат,
И смолкнут жернова, и смолкнут пенья дщери.

Или устал ты до времени,
Просишь забвенья могил,
Сын утомленного племени,
Чуждый воинственных сил?

Ищешь ты кротости, благости,
Где ж молодые огни?
Вот и задумчивой старости
К нам придвигаются дни.

Негде укрыться от времени--
Будет и нам череда...
Бедный из бедного племени!
Ты не любил никогда!

Ты не пленишь. Не жди меня,
Я не вернусь туда,
Откуда в утро злого дня
Ушла моя звезда.

Я для другой храню лучи
Моих великих сил.
Ты не пленишь меня в ночи.
Тебя я не любил.

Я за звездой—тебе чужой,
Я холоден с тобой.
В земле родной огонь живой
Храню я для другой.

Травы спят красивые,
Полные росы.
В небе—тайно лживые
Лунные красы.

Этих трав дыхания
Нам обманный сон.
Я в твои мечтания
Страстно погружен.

Верится и чудится
Мы—в согласном сне.
Все, что хочешь, сбудется—
Наклонись ко мне.

Обними—и встретимся,
Спрячемся в траве,
А потом засветимся
В лунной синеве.

Кто-то вздохнул у могилы,
Пламя лампадки плывет.
Слышится голос унылый—
Старый священник идет.
Шепчет он тихие речи,
Все имена, имена...
Тают и теплятся свечи,
И тишина, тишина...
Кто-же вздохнул у могилы,
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть.

Ловлю дрожащие, хладеющие руки;
Бледнеют в сумраке знакомые черты!..
Моя ты, вся моя— до завтрашней разлуки,
Мне все равно—со мной до утра ты.
Последние слова, изнемогая,
Ты шепчешь без конца, в неизреченном сне.
И тусклая свеча, бессильно догорая,
Нас погружает в мрак,—и ты со мной, во мне...
Прошли года, и ты—моя, я знаю,
Ловлю блаженный миг, смотрю в твои черты,
И жаркие слова невнятно повторяю...
До завтра ты – моя... со мной до утра ты...

В сумерки девушку стройную
В рощу уводит луна.
Смотрит на рощу спокойную,
Бродит, тоскует она.
Стройного юноши пение
В сумерки слышно в лугах.
В звуках — печаль и томление,
Милая — в грустных словах.
В сумерки белый поднимется,
Рощу, луга окружит,
Милая с милым обнимется,
Песня в лугах замолчит.

В чужбину по гудящей стали
Лечу, опомнившись едва,
И, веря обещаньям дали,
Твержу вчерашние слова.

Теперь я знаю: где-то в мире,
За далью каменных дорог,
На страшном, на последнем пире
Для нас готовит встречу Бог.

И нам недолго любоваться
На эти, здешние пиры:
Пред нами тайны обнажатся,
Возблещут новые миры.

Смолкали и говор, и шутки,
Входили, главы обнажив.
Был воздух туманный и жуткий,
В углу раздавался призыв...

Призыв к неизвестной надежде,
За ним — тишина, тишина...
Там женщина в черной одежде
Читала, крестясь, письмена.

А люди, не зная святыни,
Искали на бледном лице
Тоски об утраченном сыне,
Печали о раннем конце...

Она же, собравшись в дорогу,
Узнала, что жив ее сын,
Что где-то он тянется к Богу,
Что где-то он плачет один...

И только последняя тягость
Осталась—сойти в его тьму,
Поведать великую радость,
Чтоб стало полегче ему...

Как старинной легенды слова,
Твоя тяжкая прелесть чиста.
Побелела, поблекла трава —
Все жива еще сила листа.

Как трава, изменяя цвета,
Затаилась—а все не мертва,
Так—сегодня и завтра не та—
Ты меняешь убор—и жива.

Но иная проснется весна,
Напряжется иная струна,—
И уйдешь Ты, умрешь, как трава,
Как старинной легенды слова.

———

Мы—чернецы, бредущие во мгле
Куда ведет нас факел знанья
И старый жрец с морщиной на челе,
Изобличающей страданья,

Молчим, точа незнаемый гранит,
Кругом—лишь каменные звуки.
Он свысока рассеянно глядит
И направляет наши руки.

Мы дрогнем. Прозвенит, упав, кирка—
Взглянуть в глаза не всякий смеет...
Лишь старый жрец—улыбкой свысока
На нас блеснет—и страх рассеет.

СЛУЧАЙНОМУ.

Ты мне явился, темнокудрый,
Ты просиял мне и потух.
Все, что сказал ты, было мудро,
Но ты бедней, чем тот пастух.

Он говорил со мной о счастьи,
На незнакомом языке,
Он пел о буре, о ненастьи
И помнил битвы вдалеке.

Его слова казались песней.
Восторг и бури полюбя,
Он показался мне чудесней
И увлекательней тебя.

И я, задумчиво играя
Его богатством у костра,
Сегодня томно забываю
Тебя, сиявшего вчера.

Все, что в море покоит волну,
Всколыхнет ее в бурные дни.
Я и ныне дремлю и усну —
До заката меня не мани...

О, я знаю, что солнце падет
За вершину прибрежной скалы!
Все в единую тайну сольет
Тишина окружающей мглы!

Если знал я твои имена,—
Для меня они в ночь отошли...
Я с Тобой, золотая жена,
Облеченная в сумрак земли.

Блаженный, забытый в пустыне,
Ищу небывалых распятий.
Молюсь небывалой богине —
Владыке исчезнувших ратей.

Ищу тишины и безлюдий,
Питаюсь одною отравой.
Истерзанный, с язвой кровавой,
Когда-нибудь выйду к вам, люди!

СФИНКС.

Шевельнулась безмолвная сказка пустынь,
Голова поднялась, высока.
Задрожали слова оскорбленных богинь
И готовы слететь с языка...

Преломилась излучиной гневная бровь,
Зарываются когти в песке...
Я услышу забытое слово: Любовь
На забытом, живом языке...

Но готовые врыться в сыпучий песок
Выпрямляются лапы его...
И опять предо мной—только тайный намек—
Нераскрытой мечты торжество.

ЖРЕЦ.

Там — в синевах — была звезда.
Я шел на башню — ждать светила.
И в синий мрак, в огнях стыда,
На башню девушка входила.
Внизу белели города
И дол вздыхающего Нила.

И ночь текла — влажней мечты,
Вся убеленная от счастья.
Мы жгли во славу чистоты,
Во славу непорочной страсти
Костры надзвездной красоты
И целомудренные страсти.

И я, недвижно бледнолиц,
Когда заря едва бледнела,
Сносил в покровах багряниц
Ее нетронутое тело.
И древний Нил, слуга цариц,
Свершал таинственное дело.

На обряд я спешил погребальный,
Ускоряя таинственный бег.
Сбил с дороги не ветер печальный—
Закрутил меня розовый снег.

Притаился я в тихой долине—
Расступилась морозная мгла.
Вот и церковь видна на равнине—
Золотятся ее купола...

Никогда не устану молиться,
Никогда не устану желать,—
Только-б к милым годам возвратиться
И младенческий сон увидать!

Разгадал я, какие цветы
Ты растила на белом окне.
Испугалась наверное ты,
Что меня увидала во сне:

Как хожу среди белых цветов
И не вижу мерцания дня.
Пусть он радостен, пусть он суров —
Все равно ты целуешь меня...

Ты у солнца не спросишь, где друг,
Ты и солнце боишься впустить:
Раскаленный блуждающий круг
Не умеет так страстно любить.

Утром я подошел и запел,
И не скроешь—услышала ты,
Только голос ответный звенел,
И, качаясь, белели цветы...

NOLI TANGERE CIRCULOS MEOS.

Символ мой знаком отметить,
Счастье мое сохранить...
Только б на пути никого не встретить,
Не обидеть, не говорить...

Не заметить участливого сомнения,
Не услышать повторенную речь,
Чтоб когда нибудь от сновидения
Свой таинственный факел зажечь!

Миновать незнавших сияния,
Не истратить искры огня...
Кто не знал моего содрогания,
Отойди от меня!

Дальше, дальше, слепые, странные!
Вас душит любопытство и смех!
Мои думы—веселые, слова несказанные!
Я навек—один!—Я навек—для всех!

Глухая полночь медленный кладет покров.
Зима ревущим снегом гасит фонари.

Вчера высокий, статный, белый подходил
к окну,
И ты зажгла лицо, мечтой распалена.

Один, я жду, я жду, я жду—тебя, тебя.
У черных стен—твой профиль, стан и смех.

И я живу, живу, живу—сомненьем о тебе.
Приди, приди, приди—душа истомлена.

Горящий факел к снегу, к небу вознесла
Моя душа,—тобой, тобой, тобой распалена.

Я трижды звал—и трижды подходил к окну
Высокий, статный, белый—и смеялся мне.

Один—я жду я жду—тебя, тебя—одну.

———

Я умер. Я пал от раны.
И друзья накрыли щитом.
Может быть, пройдут караваны.
И вожатый растопчет конем.

Так лежу три дня без движенья.
И взываю к песку: Задуши!..
Но тело хранит от истленья
Красноватый уголь души.

На четвертый день я восстану,
Подыму раскаленный щит,
Растравлю песком свою рану
И приду к Отшельнице в скит.

Из груди, сожженной песками,
Из плаща, в пыли и крови,
Негодуя, вырвется пламя
Безначальной, живой любви.

Ты из шопота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день,
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессоницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Неправда, неправда, я в бурю влюблен,
Я люблю тебя, ветер, несущий листы,
И в час мой последний, в час похорон,
Я встану из гроба и буду, как ты!

Я боюсь не тебя, о, дитя, ураган!
Не тебя, мой старый ребенок, зима!
Я боюсь неожиданно колющих ран...
Так может изранить—лишь Она... лишь
Сама...

Сама—и Душой непостижно кротка,
И прекрасным Лицом несравненно бела...
Но она убьет и тебя, старина,—
И никто не узнает, что буря была...

К. М. С.

Сердито волновались нивы.
Собака выла. Ветер дул.
Ее восторг самолюбивый
Я в этот вечер обманул...

Угрюмо шепчется болото.
Взошла угрюмая луна.
Там в поле бродит, плачет кто-то...
Она! Наверное—она!

Она смутила сон мой странный
Пусть приютит ее другой:
Надутый, глупый и румяный
Паяц в одежде голубой.

Многое замолкло. Многие ушли.
Много дум уснуло на краю земли.

Но остались песни и остались дни.
Истина осталась: мы с тобой—одни.

Все, что миновалось, вот оно—смотри:
Бледная улыбка утренней зари.

Сердце все открыто, как речная гладь,
Если хочешь видеть, можешь увидать.

Я был невенчан. Премудрость храня,
У Тайны ключами зловеще звенел.

Но Ты полюбила меня.
Ты—нежная жрица Лазурного Дня.

Блуждая глазами, в подземных ходах
Искал—и достался мне камень в удел—
Тяжелый и черный. Впотьмах
Впился я глазами—и видеть хотел
Все жилы, все ходы и все письмена.

Но властный поток Твоих роз
Восставил меня. И на выси вознес,
Где Ты пробуждалась от зимнего сна,
Где Весна
Победила мороз.

РАССВЕТ.

Я встал и трижды поднял руки.
Ко мне по воздуху неслись
Зари торжественные звуки,
Багрянцем одевая высь.

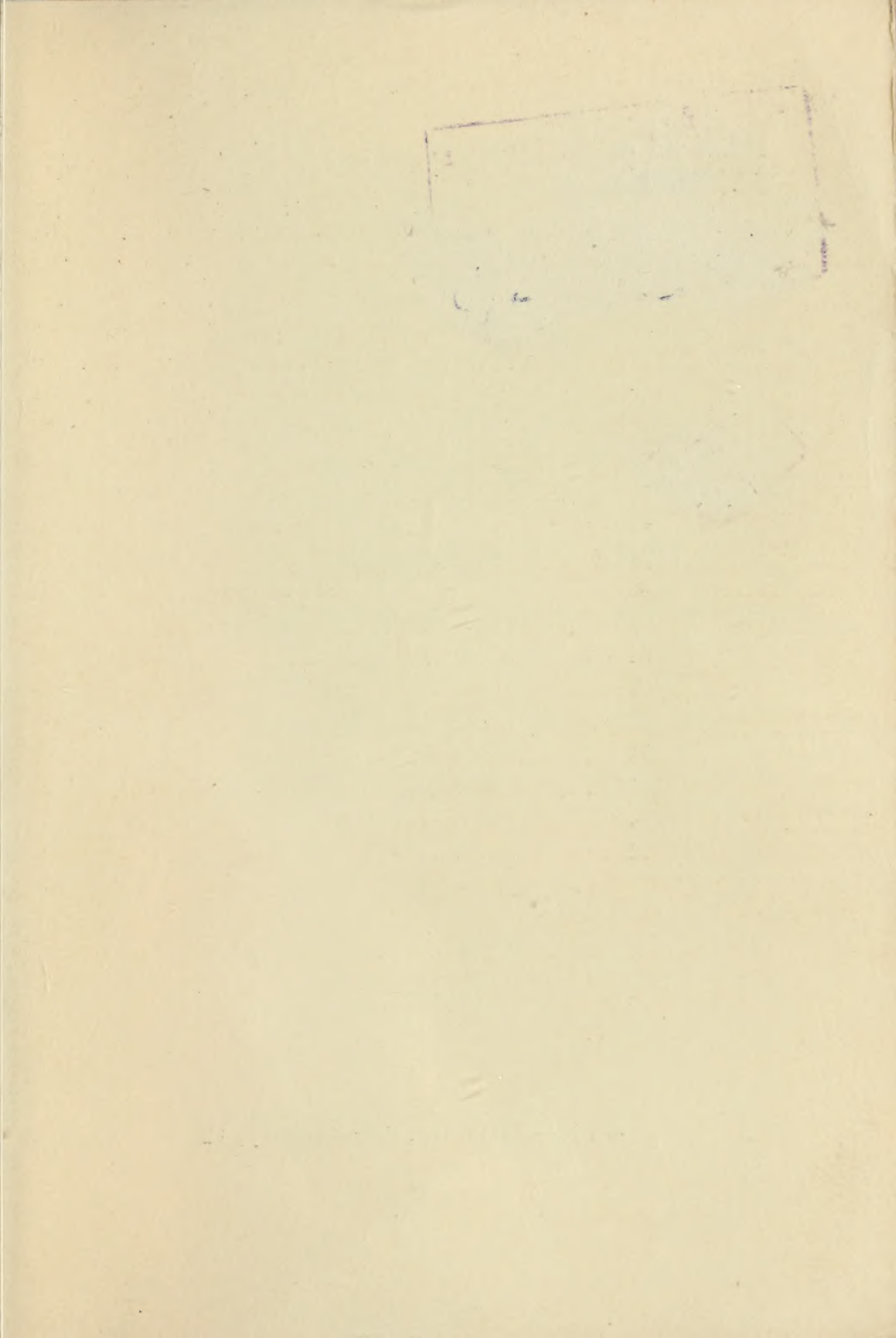
Казалось, женщина вставала,
Молилась, отходя во храм,
И розовой рукой бросала
Зерно послушным голубям.

Они белели где-то выше,
Белея, вытянулись в нить
И скоро пасмурные крыши
Крылами стали золотить.

Над позолотой их заемной,
Высоко стоя на окне,
Я вдруг увидел шар огромный,
Плывущий в красной тишине.

Содержание.

стр.

Цена 85 р.

15-я Государств. тип., Птгр. Звенигор., 11.